

Дмитрий Урсу,

доктор исторических наук,

профессор кафедры новой и новейшей истории

Одесского национального университета им. И.И. Мечникова

ГЕНЕТИКА В ОДЕССЕ: СТО ЛЕТ БОРЬБЫ, ПОБЕД И ПОРАЖЕНИЙ

*«Так отворите же архивы!
Избавьте нас от небылиц,
Чтоб стали ясными мотивы
Событий и деянья лиц».*

Д. Самойлов

Сто лет назад в Одессе произошли два тесно связанных между собой события, которые имели огромные последствия для развития биологической науки не только в Украине, но и далеко за ее пределами. Нарушителем спокойствия в южном городе стал молодой приват-доцент Императорского Новороссийского университета А.А. Сапегин, недавно вернувшийся из годичной зарубежной командировки. С началом 1912-1913 учебного года он стал читать на естественном отделении физико-математического факультета новый курс о законах наследственности в растительном мире. Весной того же года, стремясь претворить теоретические знания в практику, он с тремя помощниками на окраине города вспахал землю и посеял разные сорта пшеницы. Селекционную работу по выведению новых сортов Сапегин начал на небольшом опытном участке.

Так в Одессу пришла новая биологическая наука, получившая незадолго до этого (1906 г., У. Бетсон) название генетика. Вспаханное Сапегиним Одесское опытное поле (таково официальное название этого крохотного учреждения), пройдя ряд трансформаций, со временем превратилось в широко известный Всесоюзный селекционно-генетический институт им. Т.Д. Лысенко. Его руководитель с тем же именем сначала очаровал товарища Сталина и покорила Кремль, затем Москву, Ленинград, Киев, всю страну, стал на десятилетия монополистом во всех отраслях биологической науки. Одесса превратилась в питомник лысенковщины – уникального идейно-политического и научного феномена XX века, споры о котором не утихают до сих пор.

Социальная история генетики в последние годы привлекает все большее внимание ученых [1]. Однако диалектика отношений «центр-регионы» остается в тени, а Одесса как крупный центр генетической науки упоминается лишь мимоходом. Что касается немногочисленных публикаций по истории Селекционно-генетического института и кафедры генетики Одесского национального университета [2], то они выполнены непрофессионально, без использования документальной базы, содержат фактические ошибки, в значительной мере тенденциозные по оценкам и выводам. Так, период монополии Лысенко замалчивается, а о ее тяжких последствиях для биологической науки и сельского хозяйства не сказано ни слова.

Настоящая публикация имеет своей целью дать связное и строго объективное изложение основных этапов развития генетики за 1912-2012 годы в научных учреждениях Одессы: Селекционно-генетическом институте и его предшественниках, биологическом факультете университета, сельскохозяйственном институте. На основе новых, впервые вводимых в научный оборот архивных документов, будут показаны основные персонажи научного процесса, борение идей и кипение страстей, фатальные последствия вмешательства политики в теоретические дискуссии, достижения, просчеты и поражения одесских генетиков.

Время с 1912 по 2012 год может быть разделено на четыре неравных периода:

1. Начальный период классической генетики (1912-1933);
2. Установление монополии Лысенко (1934-1964);
3. Возрождение классической генетики (1965-1991);
4. Современный период (1992-2012).

Содержание каждого этапа и его обоснование будут даны в соответствующих разделах, однако предварительно следует сделать несколько замечаний. Во-первых, предлагаемая периодизация, хотя и учитывает развитие генетики в мире и стране, валентна лишь для особых условий Одессы. Во-вторых, период лысенковщины в масштабах центра страны прошел два этапа: захват Лысенко командных высот в биологической науке (1934-1948) и установление его монополии (1948-1965). Следует учесть, однако, что ликвидация его наследия в Одессе, в отличие от других регионов, затянулась на целое десятилетие. В-третьих, первые три из предложенных выше периодов характерны доминированием одного крупного ученого (лжеученого, если речь идет о Лысенко): в первый период генетика в Одессе развивалась под знаком академика А.А. Сапегина, второй – трижды академика Т.Д. Лысенко, третий период – дважды академика А.А. Созинова. Даже отсутствие Лысенко в Одессе (начиная с 1939 г.) не ослабило его контроля над событиями и процессами в городе, где у власти оставались его единомышленники и куда он часто приезжал. Время покажет, можно ли дать имя В.М.Соколова, директора Селекционно-генетического института с 1993 года, или другого ученого, нынешнему, последнему периоду одесской генетики.

1. Начальный период классической генетики

Этот этап развития генетической науки в Одессе был начат, как сказано выше, теоретическими изысканиями и практическими трудами А.А. Сапегина. На протяжении более 20 лет он оставался организатором и главным исполнителем разнообразных мероприятий, имеющих целью создание в Одессе научных учреждений генетико-селекционного направления, подготовкой для них квалифицированных кадров. Так что начальный этап развития генетики смело можно назвать сапегинским.

Будучи ботаником по образованию, специалистом по мхам, Сапегин стал генетиком, пробыв год в научных лабораториях Берлина и Праги. По его

собственным словам, он «попал в свою тарелку» с весны 1911 года, когда начал заниматься цитологией и генетикой. Большое влияние на этот поворот оказали берлинский профессор Э.Баур, генетик по специальности, и его пражский коллега Б.Немец – цитолог и генетик, автор многих работ по вопросам наследственности у растений.

В декабре 1911 года Сапегин защитил магистерскую диссертацию, вскоре стал приват-доцентом, а с началом учебного года предложил студентам-естественникам новаторский курс лекций на тему «Законы наследственности и методика отбора сельскохозяйственных растений». В качестве пособия он рекомендовал собственный учебник «Законы наследственности как основа селекции в сельском хозяйстве» [3, 9-10, 32]. Через год курс лекций молодого преподавателя стал называться проще «Генетика и селекция», а среди рекомендованных пособий названы книги по менделизму Пеннета и Богданова.

«Генетика привела Сапегина к селекции, а селекция заставила войти поглубже в агрономию», - так афористично ученый характеризует собственную эволюцию в написанной от третьего лица автобиографии. Еще до начала преподавания основ генетики в университете, весной 1912 года, Сапегин заложил первые эксперименты по выведению новых сортов зерновых. Он был назначен руководителем селекционного отдела Одесского опытного поля, имея в своем распоряжении годовой бюджет в 600 руб. и 400 кв. сажень земли (1 кв. сажень равняется 4,55 кв. метров). «Дело селекции на строго научных основах генетики было совершенно ново в те часы, встречалось недоверчиво и недружелюбно. Необходимо было популяризировать эту идею, для чего выходят «Законы наследственности», «Вехи селекции», «Этапы менделизма» и др. Но еще большим новатором был Андрей Афанасьевич в деле уточнения методики полевого опыта. Можно определенно сказать, что проф. Сапегин не только перенес на русскую почву западноевропейскую методику опытного исследования, но разработал ее применительно к нашей агрономической практике, ввел целый ряд своих, новых положений, конкретизировал ее, упростил и тем продвинул в широкие круги опытников метод математического анализа опытных данных» [4, 7-8].

Возглавляемый Сапегиним селекционный отдел в 1918 году был преобразован в Одесскую сельскохозяйственную селекционную станцию. Итоги работы по выведению новых сортов за десять лет он подвел в вышедшем в 1922 году брошюре. В ней с нескрываемой гордостью сообщается, что в тяжелейших условиях империалистической и гражданской войн, послевоенной разрухи одесские селекционеры, используя в полной мере теоретические основы классической генетики, сумели вывести ряд ценных сортов озимой и яровой пшеницы. В частности, путем скрещивания чистых линий из местных сортов была выделена Кооператорка, которая давала по пару более 200 пуд. с десятины, что намного выше прежних сортов. Даже в засушливом 1921 году было получено по 90 пуд. Хорошо также себя показали новые озимые сорта Земка и Степнячка, яровые – Черноуска и Гирка [5, 19-22].

Кроме высокой урожайности у Кооператорки были и другие достоинства. Мука, выработанная из зерна этого сорта, обладала превосходными хлебопекарными качествами, так что зерно охотно покупали за границей. Другое преимущество – высокая засухоустойчивость, поэтому Кооператорку широко сеяли в южных районах страны – до 5 млн. га, намного больше, чем ее соперницы. Даже после войны, когда были выведены новые сорта, она все еще занимала до 1,5 млн.га [8]. А в районах Средней Азии и Казахстана популярность этой долгожительницы длилась до середины 1970-х годов.

Параллельно с научно-исследовательской и практической работой по селекции зерновых Сапегин продолжает изыскания в области теоретических проблем классической генетики, а также ведет большую педагогическую нагрузку в Одесском сельскохозяйственном институте (ОСХИ), открытом в 1918 году при его активном участии. В тяжелые, по разным причинам, 1919 и 1921 годы он был ректором. В его характеристике записано: «Особенность педагогической деятельности профессора Сапегина заключалась во внедрении математических методов и генетического анализа в область биологических исследований. Желая сделать свои методы доступными более широкой аудитории, он публикует ряд учебников: «Основы теории и методики селекции сельскохозяйственных растений» (1913), «Определение точности полевого опыта с помощью элементов вариационной статистики» (1921), «Вариационная статистика» (1922, два издания на русском языке, 1926 – издание на украинском языке), «Общая методика селекции» (1925, на русском и украинском языках)» [4, 8]. На агрономическом факультете ОСХИ он занимает должность профессора генетики и агрономии, читает лекции [6, 328]. В октябре 1921 года по решению Наркомпроса УССР была создана образцовая научно-исследовательская кафедра, в составе которой секцией селекции руководил Сапегин [7, 105]. Позже, в 1923 году, эта кафедра выведена из состава ОСХИ и подчинена непосредственно Наркомпросу; теперь Сапегин заведует кафедрой и непосредственно ведет в ней секцию генетики. С октября 1926 года секция развернута в самостоятельную научно-исследовательскую кафедру генетики, которая в своей практической деятельности опирается на материальную базу Одесской краевой сельскохозяйственной опытной станции [4, 4].

Благодаря тесному сотрудничеству науки и практики на станции с каждым годом расширяется набор культур, с которыми ведется селекционная работа: с 1924 года изучается подсолнечник, с 1925 – суданская трава и картофель; с 1926 – хлопчатник, с 1927 – арахис, различные овощи. Руководитель кафедры генетики и опытной станции профессор Сапегин, после долгого перерыва, получает возможность совершать заграничные поездки: в 1925 году он побывал в Швеции, в 1927 году в составе советской делегации участвовал в работе V Международного генетического конгресса в Берлине, где выступил с докладом «Филогенетические исследования пшеницы». Спустя два года он посетил научно-исследовательские учреждения Германии и Чехословакии [9, 7]. Поездки Сапегина за рубеж способствовали, с одной стороны, росту международного авторитета одесских генетиков и

селекционеров, а с другой – позволили им быть в курсе новейших достижений мировой науки.

К концу 1920-х годов авторитет Андрея Афанасьевича в научном мире и у агрономов-практиков был так высок, что когда Наркомат земледелия решил объединить все агрономические учреждения Одессы и открыть здесь Украинский генетико-селекционный институт, то лучшую кандидатуру на пост директора найти было нельзя. УГСИ был открыт 10 октября 1928 года на прочной основе тех материальных и интеллектуальных богатств, которые накопила генетическая наука в Одессе с 1912 года. Следует обратить внимание на то, что в названии института слово «генетика» поставлено на первое место: это соответствовало концепции Сапегина, утверждавшего, что именно наука о наследовании является теоретической базой селекции. Когда институт был по настоянию Лысенко в 1934 году переименован, то слово «генетика» поставили на второе место, и это имело глубокий смысл. Заниматься здесь стали, прежде всего, и главным образом селекцией с применением традиционных приемов, а генетика отодвинута в сторону, а вскоре – вообще ликвидирована.

Возглавив новый институт, Сапегин активно занялся его обустройством, стремясь сделать максимально эффективным, где теория и практика сельскохозяйственной науки гармонично бы сочетались, дополняя друг друга. Структурно УГСИ был поделен на несколько отделов: селекции, генетики, физиологии, защиты растений, техноаналитики. Среди первых сотрудников оказались люди, которых как ученых вырастил Сапегин, но которые предали его в тяжелую минуту (М.А. Ольшанский, А.И. Воробьев, И.Д. Колесник, И.Е. Глущенко, А.М. Фаворов). В первые годы существования УГСИ заботой директора и местной власти укреплялась его материально-техническая база: строились производственные и жилые здания, лаборатории, теплицы, закупалось оборудование [10, 356].

Признанием больших заслуг Андрея Афанасьевича в научной, педагогической и селекционной деятельности стало его избрание в 1929 году в действительные члены Всеукраинской Академии наук. Вместе с ним этой чести были удостоены еще два одессита – историк М.Е. Слабченко и биолог Д.К. Третьяков. Судьбы всех трех новых академиков удивительным образом совпадают. Слабченко и Сапегин были вскоре по надуманным предлогам арестованы. С Третьяковым Сапегина роднит то, что оба подверглись шельмованию со стороны лжеученых, правда, в разное время: Сапегин раньше, а с Третьяковым расправились два десятилетия позже.

Получив заказанную за рубежом новую аппаратуру, Сапегин одним из первых в стране начал эксперименты по облучению рентгеновскими лучами семян озимой и яровой пшеницы, других растений (1929-1933 гг.). Он получил большое количество генных мутаций, о которых доложил на прошедшем в Одессе I Всеукраинском генетическо-селекционном съезде [11, 91]. На методологическом семинаре, прошедшем в 1932 году в Одессе, Сапегина видел будущий знаменитый генетик академик Дубинин. Он вспоминает, как хозяин с гордостью демонстрировал гостям рентгеновскую установку и

экспериментальные поля, где выращивались радиомутанты пшеницы: «Это был первый в мире рентгеновский аппарат, поставленный на службу селекции растений. На полях института росли впервые в мире искусственно полученные для селекции формы растений с унаследованными отклонениями». Затем Дубинин продолжает: «Вспоминаю самого Сапегина – радостного, возбужденного новым, открытым им миром искусственно создаваемых форм пшеницы» [12, 54].

Следует, однако, иметь в виду, что к этому времени Сапегин уже не был полномочным руководителем УГСИ: с 1931 года до своего вынужденного отъезда из Одессы он работал заместителем директора по научной части. Директором был назначен член партии, агроном Ф.С. Степаненко, все больше подпадавший под влияние нового сотрудника Т.Д. Лысенко, занимавшего с октября 1929 года должность старшего специалиста лаборатории морфологии растений. Позиции Сапегина в Наркомате земледелия и в своем коллективе подорвали два неприятных обстоятельства, от него никак не зависящих. Первое из них состояло в том, что в результате сильных морозов в суровые зимы 1927-1928 и 1928-1929 годов выведенные Сапегиним сорта пшеницы почти полностью погибли. Другое обстоятельство – его кратковременный арест во время совещания в Харькове по указанию всеильного наркома земледелия СССР Я.А. Яковлева (Эпштейна), обвинившего заслуженного ученого во вредительстве и саботаже. Отсутствие достоверной информации (архивы НКВД остаются по-прежнему закрытыми), и противоречия в специальной литературе не позволяют даже точно датировать этот арест (некоторые авторы говорят во множественном числе).

Появление Лысенко в Одессе и его деятельность вызвали в коллективе УГСИ неоднозначные мнения и оценки. Новый директор института Степаненко в мае 1931 года писал своему знакомому в Москву об успехах Лысенко в продвижении яровизации, чудодейственного способа повышения урожайности зерновых: «Последние достижения тов. Лысенко сулят нам такие перспективы для практического применения, какие нельзя было предполагать еще несколько месяцев назад... Лысенко заставляет кукурузу вызревать на две-три недели раньше, воздействуя темнотой на чуть начавшие прорасти семена. Вследствие этого открывается возможность перенести кукурузу на далекий север... С хлопком получены такие же блестящие данные... Через месяц-полтора ожидай сообщение о том, что кукуруза выбросит метелки вместе с началом цветения ранних яровых, а хлопок вступит в бутонизацию недели на две раньше обычного». Директор института неспроста расписывал успехи Лысенко: они добивались получения дополнительных денег на его эксперименты. Примечательно заключение к письму: «Лысенко очень осторожен, скромн. Работает буквально и день и ночь» [13, 92].

Иное впечатление произвел Лысенко на молодого ассистента Н.К. Шкварникова, ставшего впоследствии крупным ученым-генетиком. В 1928-1929 годах он под руководством Сапегина проводил опыты по мутагенезу у картофеля. Позднее Шкварников вспоминал: «Лысенко поразил меня своей

примитивностью... Если Лысенко отличался чем-то от других, то в первую очередь лицемерием, невежеством, необразованностью» [14]. Как это иногда бывает в жизни при оценке сложных психологических типов, оба мнения – и Степаненко и Шкварникова – подтверждаются как наблюдениями других людей, так и реальными фактами. Лысенко, вне сомнения, был человеком больших способностей, сильной воли, необычайного трудолюбия, целеустремленный и смелый. В то же время это был талантливый артист, редкий притворщик и лицедей: где надо, действовал грубо, бесцеремонно, цинично и агрессивно; в других случаях становился мягким, льстивым, скромным, умел войти в доверие к большим и малым начальникам. Это был глубоко безнравственный человек, подлый и коварный. О справедливости таких оценок говорит вся его биография, начиная с первых шагов стремительной карьеры, увенчанной высочайшими – и незаслуженными – наградами.

А начинал он ее в Одессе, будучи очень осторожным, скромным, необычайно трудолюбивым – день и ночь проводил в поле, у своих опытных делянок. Не забывал, однако, напомнить о себе руководителю наркомата земледелия Яковлеву и президенту ВАСХНИЛ Вавилову. В феврале 1931 года Лысенко сделал доклад о яровизации на заседании президиума академии по приглашению ее президента. Весной следующего года Вавилов сам едет в Одессу посмотреть на агрономические чудеса талантливого молодого ученого. Правда, у него нет солидных публикаций, нет реальных результатов, но он так увлеченно говорит о будущих достижениях, что не верить ему невозможно. И Вавилов начинает ходатайствовать о том, чтобы малообразованного агронома без всяких научных заслуг, кроме двух-трех убогих публикаций (в соавторстве с Долгушиным) избрали действительным членом ВУАН.

По мере роста популярности Лысенко меняется обстановка в коллективе УГСИ: директор Степаненко полностью на его стороне, а отношения с научным руководителем Сапегиним обостряются. Отсутствие документальных источников не позволяет проследить все перипетии этой борьбы, имевшей характер не только столкновения личностей, но прежде всего принципиальных идей. Ясно одно – Сапегин не был борцом, он не цеплялся за свое кресло. Когда в 1933 году возник Институт генетики АН СССР, его директор Вавилов пожелал иметь Сапегина своим заместителем, Сапегин это приглашение принял и уехал из Одессы. На этом сапегинский период одесской генетики закончился.

2. Лысенковщина в Одессе

В Одессе Лысенко провел почти десять лет, за которые из скромного специалиста отдела физиологии развития, не имевшего никаких званий и степеней, превратился в знаменитого ученого, действительного члена двух академий – украинской и сельскохозяйственной (всесоюзной он станет в 1939 году вместе со Сталиным). После изгнания Сапегина он становится научным руководителем института, изменившего статус и название – отныне это

Всесоюзный селекционно-генетический институт (ВСГИ), а пост научного руководителя выше директорского. Правда, это длилось недолго: с 1936 года он занимает обе должности. Несогласные покидают Одессу, их место занимают лично преданные новому вождю беспринципные молодые люди – Долгушин, Презент, Авакян. В 1935 году в Одессе под патронатом Лысенко проходит выездная сессия ВАСХНИЛ, членом которой он недавно стал. Новый академик выступает с докладом, в котором пытается опровергнуть один из постулатов генетики касательно селекционной работы с чистыми линиями растений (инцухта). Он уже не скромный и осторожный новичок; это опасный и беспардонный полемист, смело нападающий на признанных авторитетов передовой в мире советской генетики.

Его наглость объясняется просто: еще в феврале того же года новое светило биологии получило индульгенцию на прошлые и будущие грехи от «верховного папы», сидящего в Кремле. На съезде колхозников Сталин прервал горячую демагогическую речь Лысенко против вредителей в науке словами: «Браво, товарищ Лысенко, браво!». От этого одобрения до вершины карьеры всего один шаг – меньше чем через три года он стал президентом ВАСХНИЛ и затем переехал в Москву. Полученный в Одессе опыт уничтожения классической генетики и продвижения своей путаной, псевдонаучной «мичуринской биологии» теперь ему пригодился для установления своей диктатуры в масштабах всей страны.

Параллельно с захватом командных высот в биологической и сельскохозяйственной науках Лысенко проводит массовые кампании по внедрению в производство своих сомнительных открытий. Когда осенью 1929 года он переехал в Одессу, то в кармане у него уже лежала крапленая козырная карта, которую разыграл с таким блеском, что ему могли бы позавидовать самые знаменитые шулера и иллюзионисты. Называлась эта карта Яровизацией и заключалась она, если быть кратким, в следующем. Если семена озимых культур перед посевом выдержать 5-15 дней при низкой температуре (или в темноте, как Лысенко считал поначалу), с едва проклюнувшимися ростками, то растения будут развиваться много быстрее и дадут более высокий урожай. Несколько позже, не проведя необходимых испытаний, Лысенко перенес яровизацию и на яровые культуры, сделал из нее некое универсальное средство повышения урожайности во всех регионах страны. Напрасно серьезные ученые, в том числе Сапегин, объясняли ему, что прием яровизации известен уже сто лет и давно заброшен, ибо ожидаемых результатов не дает. Заручившись поддержкой все того же наркома Яковлева, Лысенко с присущим ему упрямством и размахом стал пропагандировать яровизацию как «новый и перспективный прием колхозной агротехники».

Наглядное представление о демагогических методах внедрения своих начинаний, где элементарные агрономические знания перемешаны с хлестаковщиной и очковтирательством, дает брошюра Лысенко и Степаненко, изданная большим тиражом на украинском языке. Авторы начинают с явного обмана: «В борьбе за высокие и устойчивые урожаи много колхозов и совхозов

в 1932, 1933, 1934 и 1935 годах применяли яровизацию и в огромном количестве случаев имели повышение урожайности». Но уже в следующем предложении от агротехники авторы переходят к политике: по адресу сомневающих, критиков и оппонентов выдвигаются обвинения в пособничестве «классовому врагу»: «Введение нового агроприема – яровизации вызвало бешеное сопротивление классового врага. Он пытался, используя новизну этого приема и неосведомленность с ним широких колхозных масс, сорвать его применение и этим помешать делу повышения урожайности». Далее авторы, жонглируя цифрами, которых невозможно проверить, утверждают, что в 1935 году яровизация яровых хлебов (пшеницы, ячменя, овса) применялась на площади в 2,1 млн. га и что это якобы дало прибавки урожая в 2,5 млн. центнеров. И все эти великие достижения получены благодаря открытию тов. Т.Д. Лысенко, доложенного им в январе 1929 года на Всесоюзном генетическом съезде в Ленинграде. В заключение авторы обещают в ближайшее время подготовить инструкцию по яровизации картофеля и хлопчатника [15, 3-9, 14-20].

Серьезные ученые, однако, проведя эксперименты с яровизацией по строгой научной методике, доказали, что она не дает никакой прибавки урожая. Так, акад. П.Н. Константинов приводил такие цифры: урожай пшеницы при посеве яровизированными семенами дал 9,6 ц с гектара, а на контрольной делянке, где садили неяровизированными, было получено 9,56 ц. Разницу в 4 кг можно не принимать в расчет, так как она находится в пределах статистической погрешности [16, 245-246]. Как жестокий, но справедливый приговор выдумкам Лысенко звучат слова современных украинских ученых: «Яровизация – бредовая идея Лысенко, [она] нанесла огромный вред производству» [17].

Сплошным обманом закончилось данное Лысенко в начале 1933 года обещание вывести за 2,5 года новый высокоурожайный сорт пшеницы. «В настоящее время (написано в 1937 г. – Д.У.) мы имеем уже три сорта. Они прошли 2-летние полевые сортоиспытания...Еще в 1935 году бросилось в глаза хорошее их поведение» [18, 8]. А вот заключение трех видных специалистов – академиков П.Н. Константинова и П.И. Лисицына, доктора наук Трайчо Костова, которые летом 1936 года посетили Одессу и побывали на полях Селекционно-генетического института: «Не было государственного сортоиспытания... зерно слишком мучнистое... сорт дает плохой сбор... поражается головней» [19, 293]. Короче говоря, новый сорт, если он был, оказался хуже прежнего.

Жертвами невежественных экспериментов «народного академика», как льстиво звала Лысенко партийная пропаганда, кроме зерновых, стали в 30-е годы еще два растения – картофель и хлопчатник. По разным причинам и та, и другая культуры были в большом дефиците. Лысенко вновь стал соблазнять власть имущих своими прожеками быстро и без затрат увеличить их производство. По картофелю он предложил садить его, против обыкновения, не ранней весной, а летом. В документах Одесского обкома партии хранится

любопытное письмо директора ВСГИ Лысенко от 11 октября 1936 года. Оно адресовано следующим образом: Секретарю Одесского обкома партии т. Вегеру Е.И. и начинается словами: «Дорогой Евгений Ильич! Опыт трехлетней посадки картофеля в колхозах Одесской области блестяще оправдал это агромероприятие. В прошлом году летние посадки применялись в 600 колхозах Одесской области, в этом же 1936 году – в большинстве колхозов Одесской области. Теперь уже вопрос стоит не о проверке этого мероприятия, а о принятии мер для более полного внедрения его в колхозах и совхозах юга УССР с тем, чтобы во много раз увеличить получение валовой продукции картофеля на юге».

Далее Лысенко, надев маску рачительного хозяина, заботящегося о будущем урожае, просит главного одесского партийца не забирать выращенный летний картофель в счет госпоставок. Он объясняет: «Я знаю, что недавно прошедший Пленум Обкома (с заглавных букв! – Д.У.) в своем постановлении принял решение о значительном (до 100 тыс. га) расширении в 1937 г. площадей в Одесской области под летние посадки картофеля. Моя просьба заключается в том, чтобы были приняты все меры для наилучшего хранения урожая от летних посадок картофеля, как семенного материала для весенних и летних посадок 1937 г.». Затем автор письма подробно советует Вегеру, как сделать, чтобы урожай этого года остался на месте и как его перераспределить между колхозами [20, 59-60]. Перед читателем, таким образом, предстает государственно мыслящий человек, вежливо, но твердо защищающий интересы общества от хищных заготовителей, которые равнодушно смешивают ценный «лысенковский» картофель со старым урожаем. Стилистика и пафос этого послания сродни тем письмам, которые через десяток лет Лысенко будет писать Сталину. Нет, впрочем, уверенности в том, что малообразованный агроном писал их сам, ведь у него – и в Одессе, и в Москве – был личный писарь, он же – придворный философ, по фамилии Презент.

С хлопчатником Лысенко имел меньше забот, чем с зерновыми и картофелем, так как им занимался ближайший помощник М.А. Ольшанский. Последний, только что закончив аспирантуру ВСГИ, был по настоянию Лысенко назначен заведующим отделом хлопчатника. А сам отдел появился как следствие постановления ЦК КП(б)У от 15 февраля 1932 года, которое предусматривало внедрение этой культуры в южные районы республики и, соответственно, расширение научно-исследовательской работы, начатой еще Сапегиним. Постановление предусматривало также переселение крестьян-хлопкоробов из республик Средней Азии и Казахстана [21, 17-18]. В начале следующего года началась контракция в колхозах выращенного с большими трудностями хлопка-сырца [21, 98]. Между тем, Ольшанский, пользуясь покровительством Лысенко, продолжает карьерный рост. В 1936 году он «изобретает» чеканку хлопчатника, прием, хорошо известный в хлопкосеющих районах. После отъезда шефа в Москву, он исполняет обязанности директора ВСГИ (1938-1941). Накануне войны Ольшанский получает Сталинскую премию за выведенный новый сорт хлопчатника Одесский-1. В представлении

Селекционно-генетического института об Ольшанском сказано: «Овладел мичуринской теорией наследования», а о его детище следующее: «Сорт скороспелый, высокоурожайный, волокно лучшего качества» [22, 64]. Чем закончилась «хлопковая» авантюра на Одессине, с цифрами в руке будет показано ниже.

В апреле того же 1935 года, вскоре после публичной похвалы Сталина, в Одесском обкоме партии была составлена обстоятельная докладная записка «О состоянии и работе Селекционно-генетического института», содержащая ряд неизвестных фактов из его истории. Кроме того, она проливает дополнительный свет на пути и приемы установления культа личности Лысенко в масштабах региона. Поэтому целесообразно на этом документе остановиться подробнее. Первое, что бросается в глаза, это тенденциозность докладной: ее цель – прославление Лысенко и охаивание его предшественника. Начинается она с утверждения, что институт в первые годы существования (1928-1932) «<...> не выполнял задач по созданию новых селекционных сортов, отвечающих требованиям социалистического сельскохозяйственного производства. Выведенные же сорта озимых пшениц (Кооператорка, Земка, Степнячка) оказались непригодными для района первоначального назначения. Такие же неудовлетворительные результаты были получены по важнейшим культурам как хлопчатник, подсолнечник и картофель». Далее автор (или авторы, так как документ явно редактировал приближенный к Лысенко человек, скорее всего, Президент) всю вину взваливает на Сапегина и «буржуазную генетику»: «Причиной отставания селекционной работы являлась неверная методика исследований, базировавшаяся на теоретических положениях агробиологической науки, исходившей из формальных установок <...>. Бывший же научный руководитель акад. Сапегин, продолжая традиции буржуазной агробиологической науки, способствовал малой эффективности работы института».

Далее в обкомовской записке пишется о приходе в ВСГИ Лысенко и о тех «великих преобразованиях», которые он инициировал: здесь и яровизация с фантастической цифрой в 5 млн. пудов дополнительного урожая, и летняя посадка картофеля, имеющая будто бы «громчайшее значение», и прочие научные подвиги. Это та пустая риторика и произвольные цифры, которые потом будут повторяться три десятилетия. Особый интерес историка вызывает другое, а именно: в стенах Селекционно-генетического института были мужественные люди, сопротивляющиеся натиску невежества и обмана. «Все время шла <...> классовая борьба против группы специалистов, которые отстаивали традиционные установки буржуазной науки <...>. Имело место, как глухое сопротивление, так и недооценка общего для агробиологической науки теоретического значения работ Лысенко. Некоторые специалисты относились враждебно к теории развития (Брокерт, Сапегин), выступая против перестройки селекции на новых основах. Рупором этой группы являлись и отдельные коммунисты (Письманко) и комсомольцы (Краевой)» [23, 16-24]. Прервем документ на этом месте; далее отметим следующее: за исключением Сапегина,

биография которого в общих чертах известна, мы ничего не можем сказать о Брокерте, Письманко, Краевом и других, которые защищали подлинную науку в условиях наступления лысенковского мракобесия.

Когда настал 1937 год, то Лысенко, несмотря на весь свой авторитет в Одессе, не смог (или не захотел) защитить от репрессий своих сотрудников. В Селекционно-генетическом институте были разоблачены «шпионы» - болгарский Данчев и румынский Бабак, заведующий отделом селекции картофеля [25, 48]. Зато всесильный академик, депутат и лауреат очень заботился о собственном материальном благополучии: когда городские власти попытались «уплотнить» особняк, где он проживал с семьей, то сразу возмутился и написал в обком. Оттуда немедленно последовал окрик: жилье освободить и «ценного для Одессы» деятеля впредь не беспокоить [25, 48].

Своих сотрудников он не защитил, но немедленно включился в спасение своего наперсника Презента, известного как человек непорядочный, нечистоплотный. Из Ленинградского университета он был изгнан за аморальность, в Одессе продолжал свои проделки. Об этом говорит найденный в архиве документ – сопроводительное письмо, посланное в январе 1938 года в отдел науки ЦК КП(б)У. В нем сообщалось, что в Киев отсылается выписка из протокола закрытого партийного собрания ВСГИ, на котором рассматривали «вопрос Презента» [26, 48]. Однако как и в чем оконфузился Презент, узнать невозможно, так как текст выписки в деле отсутствует. И несмотря на этот проступок (в этом нет никакого сомнения), в конце того же года Одесский обком, уже без «дорогого» и «уважаемого» Вегера, горячо поддержал Лысенко и его верного оруженосца Презента, наводившего марксистский глянец на теоретически беспомощные писания шефа, на выборах в действительные члены АН СССР. В представлении обкома этот «философствующий биолог» указан как редактор издававшегося в Одессе журнала «Яровизация» [26, 188].

О работе Селекционно-генетического института в последний мирный год перед войной (1940-й) можно судить по обширному, в 93 листа, отчету о научно-исследовательской деятельности отдела генетики, подписанному его заведующим В.Ф. Хитринским. Отдел разрабатывает две темы, которые после войны будут повторяться в течение десятилетий: направленное изменение природы растений путем воспитания и вегетативная гибридизация как метод селекции. Есть и третья тема – биологические закономерности оплодотворения культурных растений для улучшения методики семеноводства и селекции самоопылителей. Отдел работает на прочной теоретической базе учения Мичурина и Лысенко, отвергая буржуазную генетику, стоящую на позициях менделизма-морганизма. Достижениями отдела являются работы А.А. Авакяна с озимой пшеницей и И.Е. Глущенко с гибридами ржи [27, 1-54].

Подводя итоги довоенному десятилетию нельзя не согласиться с мнением Ю.М. Сиволапа и С.С. Малюты, которые недавно написали горькие слова: «В период с 1935 по 1940 год в отечественной биологии произошли события, которые невозможно представить даже в кошмарном сне» [17, 359]. Справедливость этого общего вывода подтверждается конкретными фактами по

одному региону – Одесскому. Если в центрах биологической научной мысли – Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве после признания в 1939 году партией двух научных течений, в равной мере стоящих на позициях материализма, временно установилось некое динамическое равновесие, то в Одессе полностью – и на долгие годы – победила лысенковщина.

В первый год после освобождения Одессы ВСГИ залечивает нанесенные войной раны, но в научной работе все идет по-старому. Главная тема исследований – «воспитание растений»; Ольшанский, как и прежде, принуждает колхозников сеять не то, что родит, а проклинаемый всеми хлопок – им занято 6 тыс. га лучших земель. Урожай из-за неблагоприятной погоды крайне низкий [28, 3-27]. Всего в институте работают 170 человек, из них 30 научных сотрудников и столько же научно-технических [29, 35]. В августе 1945 года ВСГИ посетил руководитель партии и правительства УССР Н.С. Хрущев. Он дал указание в первую очередь работать над выведением новых сортов таких стратегических культур как хлопчатник и каучуконос тау-сагыз, а также дыни. Уже через два года плантация тау-сагыза выросла до 50 га, а хлопчатник занял многие тысячи гектар. Что касается дынь, то это был, скорее всего, каприз их любителя, не более, так как Украина всегда славилась своими дынями [30, 207-208].

Драматические события, связанные с попыткой освободиться от диктата лысенковщины, произошли в 1947 году в Одесском сельскохозяйственном институте (ОСХИ). Здесь кафедру селекции и семеноводства с августа 1946 года занимал доцент Ю.П. Мирюта, избранный по конкурсу из четырех кандидатов. Один из них, А.И. Воробьев, работал в Селекционно-генетическом институте и был известен как прихвостень Лысенко. Во время заседания ученого совета выступавшие отмечали, что Мирюта создавал эту кафедру, имеет солидные публикации по профилю специальности, до войны заведовал кафедрой генетики Горьковского университета. Большинством голосов заведующим был избран Мирюта [31, 5-8]. В январе следующего года во время приема в партию Мирюту спросили с подвохом, как он относится к формальной генетике. Он ответил: «Партия одинакова и к тому и к другому направлениям, так как и формальная генетика и мичуринская теория в равной степени отражают реальную действительность» [32, 3]. В коллективе не было секретом, что Мирюта поддерживал деловые связи с такими выдающимися учеными как И.И. Шмальгаузен и С.С. Четвериков, последовательными сторонниками классической генетики, ездил на генетическую конференцию в МГУ. Знали и то, что Мирюта относится критически к учению Лысенко.

В институте началась травля Мирют, которая не обошлась без закулисных интриг руководства ВСГИ и лично Лысенко, приехавшего осенью 1947 года в Одессу. Его сообщники получили приказ уничтожить бунтовщика и изгнать его из Одессы. Открытое столкновение произошло на партсобрании в августе, когда обсуждалось письмо ЦК по делу Ключевой и Роскина, а также газетные статьи против Жебрака. Мирюта в своей речи заявил о том, что не только Жебрак, но и академик Лысенко стоят на идеалистических позициях.

Собравшиеся осудили смелый поступок коллеги и потребовали от него «исправить свою политическую линию». На следующем собрании, 10 сентября, директор (ректор) института Вербин в своем докладе сказал следующее: «У нас есть такие, как Жебрак. Вот возьмем товарища Мирюту, он является ярким сторонником Жебрака, а мы воспитанием товарища Мирюты занимаемся очень много и долго и в конце концов товарищ Мирюта должен пересмотреть свои позиции, иначе ему в институте у нас на педагогической работе не будет места». На эту угрозу Мирюта ответил: «Мне говорят одно, что я не могу критиковать профессора (так в тексте. – Д.У.) Лысенко и лишь потому, что он занимает такой высокий пост. А я считаю, что Лысенко в некоторых научных вопросах стоит на неправильных позициях, и я от своих взглядов не отказываюсь, хочу быть честным перед партией» [32, 62-65].

«Дело Мирюты» в сельскохозяйственном институте вызвало беспокойство в обкоме партии, в министерстве. В архиве отложилось несколько документов на сей счет, вот один из них, носящий заголовок «Информация о проведенной в ОСХИ дискуссии о внутривидовой конкуренции». Здесь о Мирюте сказано: «Мирюта Ю.П. противопоставил учению Лысенко свою «теорию» о «внутренних противоречиях в организме, как решающем факторе жизни растений» <...>. Все без исключения выступавшие осудили «теорию» тов. Мирюты, считая ее научно необоснованной, реакционной, являющейся ярким примером формальной генетики. Собрание рекомендовало тов. Мирюте пересмотреть ошибочные взгляды на вопросы генетики и исправить свои ошибки <...>. В настоящее время (документ не датирован. – Д.У.) тов. Мирюта оставил работу в институте и работает в Харькове, в Институте генетики АН УССР. Позицию формальной генетики занимал только тов. Мирюта, остальные работники института разделяют точку зрения советской генетики» [33, 56]. В информации не сказано, что опальный доцент был уволен на основании решения партийного бюро, перед которым его принудили сделать научный доклад «О теоретических основах гетерозиса у сельскохозяйственных растений» (Текст, к большому сожалению, не сохранился). В протоколе заседания нет и выступлений участников обсуждения, лишь краткое постановление: «Заведующий кафедрой селекции и семеноводства тов. Ю.П. Мирюта открыто и неоднократно объявлял себя сторонником формальной генетики. Снять с заведывания кафедрой. Оставить тов. Мирюту на должности доцента на другой кафедре» [34, 81-81об.]. Только после этого Мирюта покинул Одессу и переехал в Харьков.

Примерно в то время, как в сельскохозяйственном институте расправлялись с единственным ученым, осмелившимся открыто защищать подлинную науку от невежества, в свою вотчину прибыл главный «мичуринец» сам Трофим Денисович – трижды академик и трижды лауреат Сталинской премии. 22 сентября 1947 года он обошел опытные поля ВСГИ, затем встретился с его сотрудниками и устроил им такую порку, что она им запомнилась на долгие годы. Первым «на ковер» был вызван заведующий отделом люцерны Венгровский: «Где семена люцерны для обеспечения посева

в колхозах? В 1945 году вы ничего не сдали государству, то же самое в 1946 и 1947 годах. Почему в поле одна лебеда, а люцерны не видно? Неужели такую паршивую люцерну нельзя было без науки иметь? Десять человек работали четыре года – работали зря». В институте плохо идут летние посадки картофеля, выведение новых сортов ржи и кукурузы, были названы виновные персонально – Фаворов, Мусийко. Директора Родионова, кстати сказать, бывшего подсобного рабочего с начальным образованием, президент ВАСХНИЛ укорял за низкую культуру земледелия в подсобном хозяйстве: «Все эти прививки помидор на дерезе, дерезы на паслен и т.д., все это не нужно <...>. Когда все поле в бурьянах, то совершенно напрасно заниматься этими прививочками и никому не интересно на них смотреть. Это же просто страшно. Вам показывают прививочки, а кругом бурьян» [35, 9-25].

Гнев Лысенко справедлив и понятен: еще весной из Одессы заведующий отделом пшеницы Кириченко сообщил тяжелую новость: «Озимь погибла». Вскоре пришла новая неприятность: «Тау-сагыз пожирает проволочник» [35, 33, 36]. В Одессу президент, кроме инспекции своего родового гнезда, приехал проверить как идет внедрение двух новых культур – кахетинской (ветвистой) пшеницы и каучуконоса тау-сагыза. Пшеницу, на которую он возлагал большие надежды с тем, чтобы новый сорт назвать Сталинским, поручил своему ближайшему протеже Ольшанскому. Но вот незадача: 30 июля руководители ВСГИ сообщают пренеприятное известие – результаты обмолота ветвистой пшеницы оказались плачевными. На одном поле в 0,51 га получено всего 264,5 кг, на другом, в совхозе «Дачном», с 0,84 га посевов собрано 427,5 кг, причем зерно щуплое, с повышенной влажностью [35, 30, 38]. Было от чего придти в бешенство! Тем не менее, Лысенко и его команда и впредь будут с жаром пропагандировать ветвистую пшеницу, о которой давно было известно, что урожайность и качество зерна у нее ниже, чем у обычной. Но историю агрономии Лысенко, Ольшанский, Родионов, Кириченко «не проходили».

Примерно такая же история приключилась с другими новыми для Одесщины культурами – хлопчатником и тау-сагызом. О последнем Лысенко с воодушевлением говорил еще в феврале 1946 года на предвыборном митинге в Одессе: «Этот каучуконос очень важный именно для нашей местности. Он лучше других, за него очень много платят. Если его выращивать и сдавать, вы бы имели для восстановления жилья много стройматериалов» [35, 82]. А в тот приезд в Одессу, о котором сказано выше, президент подписал 22 сентября 1947 года приказ по ВАСХНИЛ, где всю ответственность за работу с каучуконосом возложил на директора Селекционно-генетического института Родионова. Приказ заканчивается примечательной фразой: «Планы и отчеты представлять непосредственно мне. Лысенко» [36, 51].

Пребывая осенью 1947 года в Одессе, за хозяйственными заботами Лысенко не забывал и о борьбе с «проклятыми вейсманистами-морганистами». По его инициативе и, по всей вероятности, прямом его и Презента участии верхушка ВСГИ написала открытое письмо министру высшего образования Кафтанову. Письмо подписали Родионов, Ольшанский, Мусийко, Воробьев,

Кириченко, Гаркавий. Они гневно клеймят представителей формальной генетики, требуют убрать из преподавания в сельскохозяйственных и педагогических институтов эту «буржуазную лженауку» [35, 61-65].

Заключая сюжет о связях Лысенко с Селекционно-генетическим институтом в первые послевоенные годы, можно прийти к выводу, что уже в 1947 году генетика в Одессе была уничтожена, а ее последний представитель Ю.П. Мирюта изгнан. Когда в августе следующего года по всей стране пошел погром этой науки, в Одессе было спокойно: провинция в этом позорном деле оказалась на шаг впереди столиц – Москвы и Киева.

На августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года одесситы дружно выступили в поддержку своего главаря (Ольшанский, Авакян, Долгушин). Местная газета «Черноморська коммуна» этому событию посвятила целую полосу под общим заголовком «Мичуринское учение обогащает социалистическое сельское хозяйство» (17.08.1948). Здесь помещены статьи ведущих деятелей Селекционно-генетического института Мусийко, Фаворова, Хитринского, Ольшанского (Долгушин вернется из Москвы только в 1951 году). В их статьях не найти ничего нового, важного; все это пустая трескотня и самореклама. Только Ольшанский вспомнил забавное приключение 1941 года: тогда, оказывается, имела место «грандиозная победа над долгоносиком», лютым врагом свекловичных плантаций. А «героем» стал Лысенко, предложивший использовать кур для уничтожения вредителей. Его начинание поддержал Хрущев, тогдашний партийный руководитель УССР. «Он был душой организации», - подобострастно пишет Ольшанский. Бросив все свои дела, колхозники вывели на поле боя 10 миллионов пеструшек и петухов и тем самым победили супостата. Лет пять до этого события тысячи крестьян, вооружившихся ножницами тоже по рекомендации Лысенко, кастрировали колоски пшеницы, чтобы не допустить близкородственного смешения...

Спустя месяц после августовской сессии ВАСХНИЛ в Киеве было собрано более тысячи человек на Республиканское совещание научных работников и практиков-мичуринцев, чтобы обсудить итоги прошедшей в Москве сессии. С основным докладом выступил акад. Ольшанский, в прениях говорили одесситы: Мусийко и Хитринский (из ВСГИ), Иванченко (заведующий кафедрой дарвинизма ОГУ, только что назначенный ректором) и Савчук (прежний ректор, а теперь министр просвещения). Доклад Ольшанского не содержит ни одной новой идеи по сравнению с теми, что в Москве высказал Лысенко. Но он примечателен местным колоритом: лысенковщина во всей своей красе докатилась, наконец, и до Киева, стоявшего раньше в отличие от Одессы, Москвы и Ленинграда, как-то в стороне от борьбы двух течений в биологической науке. Внимание привлекает лишь упоминание об Одессе в контексте разоблачения классической генетики: «морганисты обнаглели до того, что на протяжении трех послевоенных лет вейсманистскую генетику пропагандировали с кафедр Одесского университета и Одесского сельскохозяйственного института. Эта пропаганда велась в городе, где плодотворно работает очаг мичуринской науки, детище Т.Д. Лысенко –

Всесоюзный селекционно-генетический институт». Новоиспеченный академик трижды упоминает Мирюту как «воинствующего менделиста-морганиста», который будто бы в своих лекциях никогда имени Мичурина не называл [37]. Такие сомнительные комплименты Селекционно-генетическому институту как «очагу мичуринской науки» и «детищу Лысенко» многого стоят.

Сразу после сессии ВАСХНИЛ, доклад на котором правил лично Сталин, последовали решения ЦК КПСС и ЦК компартии Украины, затем, по иерархической лестнице вниз, подобное же постановление принимает Одесский обком партии. 10 сентября 1948 года вопрос обсудило бюро обкома и принято постановление, в котором сказано, что вскрытые на сессии ВАСХНИЛ и на Республиканском совещании недостатки имеют место и в работе биологических учреждений города Одессы. Этот вывод конкретизировался следующим образом: «Особо нетерпимым является положение, создавшееся в сельскохозяйственном институте, где вследствие проморганистских антимичуринских позиций, занятых директором института проф. Вербиным, в институте свила гнездо вейсманистская генетика в наиболее реакционном ее выражении (доцент Мирюта). Хотя под давлением общественности Мирюта и был отстранен от преподавания, однако изменений в деле улучшения пропаганды идей Мичурина-Вильямса-Лысенко не наступило». Бюро потребовало «обеспечить перестройку преподавания биологических дисциплин и направление всей научно-исследовательской работы в духе безраздельного господства мичуринской агробиологии», а директора ОСХИ освободить от работы [38, 74-75].

Постановление партийных органов разного уровня, как и решения сессии ВАСХНИЛ и Республиканского совещания, обсуждались в парторганизациях и на ученых советах научных и учебных заведений города, формально их одобрили (Одесский медицинский институт, Одесский университет, Украинский НИИ глазных болезней, Украинский НИИ виноградарства и виноделия). В последнем, например, ученый совет собрался еще 20 августа и заслушал доклад о сессии ВАСХНИЛ, с которым выступил известный лысенковец из ВСГИ Воробьев. В прениях первым взял слово заведующий отделом селекции и генетики, который честно признался в том, что существующий с 1927 года отдел не вывел в практику ни одного нового сорта винограда. Виноваты в этом формальные генетики, которые не дали ему «правильной теоретической базы»: «Теперь же у нас есть учение Лысенко, с которым мы быстро пойдем вперед» [39, 115].

Особенно бурно прошло обсуждение принятых в Москве и Киеве документов в ОСХИ. Сюда на партсобрание 9 сентября пожаловал заместитель Лысенко на Украине Ольшанский. Он обрушился с злобными нападками не только на давно уволенного Мирюту, но и на сидевшего в зале директора института Вербина: « <...> В стенах вуза излагался морганизм и в самом реакционном виде <...>. Мичуринская же генетика совсем не читалась». Собрание решило просить обком и ЦК уволить Вербина [40, 76-99]. Вскоре были уволены ряд профессоров ОСХИ; среди них В.М. Жеденов, которого

обвинили «в весьма тяжелых отступлениях от генеральной линии советской биологической науки – в автономизме, преформизме, идеализме». Его наказали и за то, что он «в идейно-теоретическом отношении слепо шел за И.И. Шмальгаузенем», который рекомендовал его статью к публикации в журнале АН СССР. Лишились работы также профессора С.М. Москвичев, заведующий кафедрой агрохимии, И.Е. Петровский, проректор института [41, 161-162, 181-182]. Вскоре Ольшанский был назначен заведующим кафедрой селекции и семеноводства ОСХИ, а доцентом его кафедры и деканом агрономического факультета стал его коллега из Селекционно-генетического института. «Укрепили», как тогда выражались, мичуринцами и биологический факультет ОГУ: туда перевели заведующей кафедрой и проректором проф. Тульчинскую, ветеринара по профессии, и сотрудника Селекционно-генетического института Воробьева, для которого спустя год открыли новую кафедру.

Не забывали в ОСХИ и Мирюту, вслед ему постоянно шли проклятия, новые разоблачения. Так, на партсобрании 23 марта 1949 года, обсуждавшем задачи борьбы с безродным космополитизмом, секретарь партбюро так о нем отозвался: «Отщепенец-морганист, выучившийся на советских хлебах, привозил к нам статьи одного из белогвардейцев, окопавшихся в США» [43, 47]. Речь идет, вне сомнения, о выдающемся украинском генетике Ф.Г. Добржанском (1900-1975), в 1927 году стажировавшемся в Колумбийском университете у Моргана и оставшимся в США. То, что Мирюта, в отличие от дремучих одесских псевдоученых, не знавших иностранных языков, читал и распространял публикации Добржанского, говорит об его эрудиции и гражданской смелости.

В Селекционно-генетическом институте, как сказано выше, обсуждение итогов августовской сессии ВАСХНИЛ прошло чисто формально; здесь все было тихо, инквизиторы поэтому «генетических ведьм» не искали. Научная работа шла по накатанному Мичуриным и Лысенко старому пути. Правда, в планах исчезла яровизация, как будто ее не внедряли палочным методом на миллионах гектаров. Эта кампания закончилась, но продолжались другие маниловские затеи – хлопок, каучуконос, цитрусовые, гнездовая посадка лесополос. Творческая фантазия главного мичуринца, получившего после 1948 года диктаторскую власть, была неиссякаемой. Все внедрялось, как и прежде, - без подготовки, без расчетов, без экспериментальной проверки. Делалось на одном голом энтузиазме и рабском труде селян. Темы научных работ ВСГИ, получившего к 50-летию Лысенко его имя, прежние: направленное изменение природы растений путем воспитания, вегетативная гибридизация (вспомним слова Лысенко: «прививочки, прививочки»). Директор института Родионов и после этой критики продолжал свое: «прививка гибрида томата и паслена на томат и дерезу». Единственное реальное достижение института после 1948 года – выведенные Кириченко сорта пшеницы Одесская-3 (заняла около 3 млн.га) и Одесская-12, но они были районированы только в Одесской области.

Что касается хлопчатника, которым по-прежнему занимается Ольшанский, в 1945-1951 годах заместитель директора ВСГИ, то его

продвижение встречает непреодолимые природные препятствия. Документация института полна сообщениями о провалах: посеяно 7 тыс. га, на следующий год 5,8 тыс. га, результат один: всходы плохие, уход неудовлетворительный, урожай погиб или очень слабый [44, 89-90]. Примерно с таким же успехом внедряется на Одессине тау-сагыз.

Но вот грянула очередная всенародная компания под названием «Сталинский план преобразования природы», включающий, среди других мероприятий, посадку полезащитных лесополос. Лысенко и теперь проявляет расторопность, инициативу и ... безрассудство: лесополосы надо засадить дубом, причем в каждое гнездо класть по несколько желудей. В Одессу летит депеша: Родионов и Ольшанский спешно заносят в план НИР на 1949 год задание президента ВАСХНИЛ и уже засадили гнездовым способом 150 га дуба [44, 4-5]. Результаты будут не скоро, но легко предвидеть неудачу этого предприятия. В том же году проводится совещание по селекции и семеноводству кукурузы. Ольшанский и Мусийко рекомендуют основным методом селекции межсортовую гибридизацию, а для посевов – семена второй и третьей репродукции, шаг, который ученые считают «абсолютно бессмысленным» [19, 346].

В Одесском университете, наконец, открыта кафедра генетики накануне нового 1949-1950 учебного года. Заведующим стал старый знакомый Воробьев, который когда-то провалился в ОСХИ. Он же стал деканом биологического факультета. Очевидно, что эти должности – награда за шумное празднование осенью 1948 года 50-летнего юбилея Лысенко. Вскоре ректор университета Иванченко и Воробьев получают еще один незаслуженный приз – станут докторами наук, скоро и беззаботно, ведь в ВАК теперь экспертным советом по биологии командует их одесский приятель – Долгушин. Неважно, что обе диссертации являются, в сущности, компиляциями и нашпигованы пространными цитатами из творений Лысенко. Главное, что оба они – преданные ученики «гения агробиологии», о чем всенародно объявили на его юбилее [45, 231-233].

Кафедра, которую создали специально «под» Воробьева, карликовая: в нарушении всех норм вузовской жизни она состоит из двух человек – самого заведующего и вчерашнего выпускника. Студентов на кафедре чуть больше, чем преподавателей: шесть на III курсе и семь – на IV курсе; они слушают курс селекции (о генетике речи нет). Учебника по предмету нет, но используют, само собой разумеется, сочинения Мичурина и Лысенко, а также «Хрестоматию по генетике» 1949 года издания (все остальные учебные пособия запрещены). Воробьев надеется в ближайшее время выпустить свойopus «Основы мичуринской генетики», который печатается в Москве с благословения всесильного Лысенко [46, 38-46, 63]. После выхода он будет раскритикован в пух и прах специалистами. Таким образом, «мичуринцы» ОГУ ничем принципиально не отличаются от тех, что трудятся в ВСГИ, только их научные темы еще более экзотичные. Ректор Иванченко, например, с 1939 года никак не выведет сорт томатов методом вегетативной гибридизации

(«прививочки, прививочки», это и о нем сказано). Бывший ректор Савчук после недолгого пребывания в Киеве на посту министра, вернулся в Одессу и пытается внедрить тутового шелкопряда в дубовые лесополосы. Чем занимался Воробьев, документы умалчивают. Другие биологи трудятся над интродукцией джута, цитрусовых, крым-сагыза, хлопчатника [47, 2-23; 48, 104, 120]. О реальных достижениях университетских селекционеров не сообщается.

Но лучше обстоят дела в Сельскохозяйственном институте, где Вербин сохранил директорский пост ценой предательства науки. Здесь лысенковцы подхватывают и широко пропагандируют антинаучные бредни Бошьяна и Лепешинской. Так, в апреле 1950 года перед несколькими сотнями биологов города и студентами проф. Тульчинская докладывает «о новейших достижениях в советской науке о природе вирусов и микробов по работам Бошьяна». В резолюции, призывающей «одобрить, изучать и развивать» его идеи, шарлатанство этого неуча названо «крупнейшим научным открытием, базирующемся на диалектико-материалистической методологии» [49, 134-157]. Ольшанский, который только числится заведующим кафедрой селекции и семеноводства, руководит в ОСХИ научной темой «Новые культуры: генетика, селекция и семеноводство». Новые культуры – это все тот же злополучный хлопчатник, а также вегетативные гибриды томатов и рис [50, 72-73]. Рис, действительно, для Одесщины новая культура, им занимается непосредственно проф. С.Я. Розен. В институте открыта лаборатория рисосеяния, а в Беляевском районе засеяно 10 га земли без затопления, но с периодическим поливом. Имеется план увеличить в ближайшее время площадь посева вдвое [51, 78-80]. О прежних увлечениях – яровизации, летних посевах картофеля – теперь, на рубеже 40-х и 50-х годов, - в документах ВСГИ, ОГУ, ОСХИ нет ни слова. Эти кампании, забравшие так много сил, средств и труда, начисто забыты.

Зато продолжается вакханалия невежества в теоретических вопросах. После августа-48 Лысенко и его присные (Ольшанский, Долгушин) совершили «переворот» в биологической науке, якобы открыв новый закон видообразования. Выступая в конце 1949 года в ОСХИ, Ольшанский стал рассказывать басни о порождении ржи пшеницей скачком. Когда его попросили объяснить подробнее этот неизвестный ранее феномен, он заюлил как карась на сковороде: «Речь идет о десятке семян ржи, найденных в колосьях пшеницы, их химический состав не определен, но по внешнему виду найденные семена похожи на рожь» [52, 3]. Да что Ольшанский, «сам» Лысенко неоднократно и публично утверждал, что кукушки порождают пеночек, а Долгушин «открыл» образование ржи из овса. Другие мичуринцы доказывали, что сосна происходит от ели, граб скачкообразно превращается в лещину (или наоборот) и прочие фантазии. Подобные рассказы вызвали изумление и возмущение серьезных ученых. В частности, выдающийся зоолог, профессор ОГУ И.М. Пузанов, который до войны вместе с Мирютой преподавал на биологическом факультете Горьковского университета, напечатал в журнале Московского общества испытателей природы статью «Сальтомутации и метаморфозы». На основе анализа огромного количества фактов он доказал, что в публикациях Лысенко и

его сторонников возрождаются средневековые предрассудки, такие утверждения «лежат за пределами науки» [53, 66-68].

Между тем в стране происходили эпохальные перемены: умер Сталин, в определенной мере обновляются системы власти, хозяйствования, управления наукой. Новый руководитель партии не питал к Лысенко такого безграничного доверия, как прежний; монополия лысенковцев в агробιοлогическιх науках заколебалась. Наступление трудных времен в Одессе почувствовали с началом 1956 года. Эффект разорвавшейся бомбы вызвало сообщение Долгушина, вернувшегося с пленума Госкомиссии по сортоиспытаниям: выведенный Ольшанским еще до войны сорт хлопчатника Одесский-1 снят с изучения и районирования, а ветвистая пшеница по отрицательным результатам исследований прошлых лет не включена в план. Это известие – тяжелый удар по руководству ВСГИ, но оно позволяет себе маленькую, но приятную диверсию против «центра»: закупленные в США гибридные семена кукурузы объявлены на карантин, так как они якобы заражены опасной болезнью. В мае члены ученого совета снова в шоке: приехавшие из Харькова с совещания по селекции сельскохозяйственных культур директор Кириченко и его заместитель Долгушин сообщают: «На совещании отмечено антимичуринское (на деле – антилысенковское. – Д.У.) выступление Козубенко, призывавшего вести селекцию главным образом путем инцухта»; двое других выступавших, Максимчук и Бабаджанян, требовали начать ревизию учения Лысенко [54, 32, 55, 132, 147-148]. Вскоре Совет министров УССР окончательно похоронил длившуюся целых 25 лет «хлопковую эпопею» в южных районах республики и освободил колхозы и совхозы от обязательных поставок хлопка-сырца.

Однако главный удар одесситы испытали в начале апреля того же года. Еще 30 марта местная газета сообщила, что в Днепропетровске начало работу Всесоюзное совещание по производству гибридных семян кукурузы. В своем докладе министр сельского хозяйства В.В.Мацкевич в укор селекционерам привел слова Хрущева на недавно прошедшем съезде партии о том, что такие семена приходится закупать в США, и от себя добавил: «Переход на посев кукурузы гибридными семенами может дать дополнительно миллионы центнеров зерна» [55]. На совещании выступил, среди других, и А.С. Мусийко, заведующий отделом кукурузы Селекционно-генетического института; по существу, сказать ему было нечего, так как порочный путь отказа от гибридизации на основе чистых линий (инцухта) не дал никаких ощутимых результатов.

Участники совещания в Днепропетровске после его окончания приехали в Одессу и, по всей вероятности, побывали в ВСГИ, однако сказать что-либо определенное об этом нет возможности из-за отсутствия документальных источников. Известно другое: 6 апреля министр Мацкевич прочитал в Одесском технологическом институте им. Сталина (ныне Академия пищевых технологий) лекцию на тему «О поездке советской сельскохозяйственной делегации в США» [56]. На следующий день со студентами и преподавателями Одесского университета встретился президент ВАСХНИЛ Т.Д. Лысенко. Автор

этих строк, тогда студент исторического факультета, присутствовал на этом незабываемом мероприятии. В президиуме сидели подчеркнуто нейтральный ректор Лебедев, известные «мичуринцы» Воробьев и Савчук, ярый враг лысенковщины Пузанов, другие профессора-биологи. По воспоминаниям современников, Лысенко всегда говорил крикливо, взволнованно и сердито [57]. В этот раз он был на себя не похож: с землистым осунувшимся лицом, с еле слышным сиплым голосом, с какими-то мужицкими, крестьянскими словечками в бессвязной речи... Из зала шел поток записок с неприятными для оратора вопросами – и о кукушках из гнезда пенок, и о ветвистой пшенице с урожаем в 100 центнеров с гектара, и о фальсификациях Лепешинской, и о многом другом. Лысенко отвечал вяло, нудно, неубедительно. Почему у всегда агрессивного «народного академика» в тот день было такое подавленное настроение, никто не знал. Но не прошло и трех дней, как в той же газете одесситы могли прочитать на второй странице лаконичное сообщение: «В Совете Министров ССР. Совет Министров удовлетворил просьбу Т.Д. Лысенко об освобождении его от обязанностей президента ВАСХНИЛ. Президентом утвержден тов. Лобанов П.П.». Казалось, что закончилась целая эпоха, эпоха необыкновенная, ведь культ личности Сталина и культ личности Лысенко утвердились синхронно; вместе им и пасть...

Кто так думал, сильно ошибался. Сопротивление начавшимся переменам из центра страны переместилось на места, в регионы. Бастионом лысенковщины оставался ВСГИ в Одессе. Летом сюда прибыл десант из самых приближенных к Лысенко людей. Он состоял из Ольшанского, вице-президента ВАСХНИЛ, и двух академиков – Презента и Глущенко. О чем они говорили за закрытыми дверями, неведомо, но их одесские единомышленники воспрянули духом. Уже осенью 1956 года на ученом совете старый лысенковец Хитринский утверждает: «Метод гнездовой посадки леса себя оправдал» [54, 268]. Губенко, выводящий вместе с Ольшанским вот уже 30 лет «одесский хлопок», остается оптимистом: «Мы путем воспитания создадим вскоре более холодостойкие формы хлопчатника». Есть успехи в вегетативной гибридизации – получены два новых сорта от скрещивания горького перца с салатным [58, 56-57, 61-62].

Но в коллективе Селекционно-генетического института были и другие люди, люди, мыслящие критически, искренне поддерживавшие решения XX съезда партии. На партсобрании, где обсуждался доклад Хрущева «О культе личности Сталина» сотрудник института М.В. Безруков прямо сказал: «Элементы культа личности были и в биологической науке. Например, частое восхваление заслуг академика Т.Д. Лысенко, что имело место и в нашем институте. Необходимо с этим покончить». Смельчаку поспешил дать отпор все тот же Губенко: «Тов. Безруков неправильно понимает вопрос о культе личности в биологической науке. Учение Лысенко является правильным учением» [59, 18].

На этот раз, однако, партийные органы Одессы, прежде покрывавшие очковтирателей из ВСГИ и защищавшие их, подготовили о его работе объективную справку. Комиссия обкома партии в документе под названием «О

работе Селекционно-генетического института в 1957 году» отметила ряд серьезных недостатков. Вначале несколько цифр: в институте функционируют 10 отделов и 2 лаборатории, в которых трудятся 36 научных работников (3 академика ВАСХНИЛ, 2 доктора наук и 15 кандидатов), 21 технико-лабораторных сотрудника и 116 рабочих, всего более 160 человек. Институт имеет 291 га опытной земли и два семеноводческих совхоза с общей площадью 2300 га пахотной земли. Но эти материальные и людские ресурсы, отмечается в обкомовской справке, используются малоэффективно: новых высокоурожайных сортов зерновых сельское хозяйство за последние годы не получило. Техническая оснащенность многих отделов и лабораторий неудовлетворительна; в отделе генетики, например, нет наиболее совершенных приборов для анализов, нет камер искусственного климата, не используется метод меченых атомов. В итоговых выводах комиссия, среди прочего, предлагает разгрузить Кириченко от директорской должности с тем, чтобы он занимался только селекционной работой [58, 256-262]. Что и было вскоре сделано, причем дало пользу и уволенному, и всему коллективу: отличный селекционер не всегда хороший руководитель большого и сложного научного организма.

Директором стал А.С. Мусийко, человек Ольшанского и Лысенко. Ему не суждено было возглавить перестройку в ВСГИ, потому что она захлебнулась, еще не начавшись. Дело в том, что уже с 1959 года начинается «второе восшествие» Лысенко во власть. Нет, очевидно, необходимости рассказывать об этом подробно (литература по этой проблеме обильная). Достаточно сказать, что Лысенко сумел и Хрущеву, как прежде Сталину, доказать свою правоту и незаменимость. К руководству сельским хозяйством страны и агробиологической наукой пришел тандем Лысенко-Ольшанский (декабрь 1960 – декабрь 1964 г.г.). Можно сказать, что время после 1956 года и до падения Хрущева в конце 1964 года – это «золотой век» в истории ВСГИ: никогда прежде его селекционеры не получали так много званий, наград, премий. Достаточно привести несколько фамилий: селекционер пшеницы Ф.Г. Кириченко стал академиком ВАСХНИЛ в 1956 году, героем труда – в 1958 году и получил Ленинскую премию на следующий год; селекционер ячменя П.Ф. Гаркавый и селекционер кукурузы А.С. Мусийко получили Ленинскую премию в 1963 году.

С последним получился большой скандал: семена гибридной кукурузы, начиная с 1956 года, страна закупала за границей, селекционеров за это Хрущев неоднократно ругал, а тут ... премия за давно известные приемы гибридизации кукурузы. Комитет по премиям отказал поэтому в награде Мусийко, но вмешался лично Хрущев и решение пришлось пересмотреть [16, 298]. Кстати, можно заметить, что награды на Мусийко, как и ранее на Кириченко, посыпались, когда они были директорами института. Пресловутый «административный ресурс», безусловно, здесь сыграл свою роль.

«Второе издание» лысенковщины длилось около семи лет. Она не получила того размаха и той разрушительной силы, что имела в годы

сталинизма. Ведь в стране произошли большие перемены, а за рубежом в полную силу проявляла свою невиданную мощь «зеленая революция», творившая чудеса с повышением урожайности зерновых культур [19, 336]. Но главным в быстром крахе лысенковщины был не внешний фактор, а растущее внутреннее сопротивление обскурантизму со стороны научной общественности. Еще в 1948 году письмо Сталину написал ученый-биолог академик П.Н. Константинов. С фактами в руке он показал бесплодность всех агротехнических предложений Лысенко: яровизации, посевов по стерне в Сибири, летних посадок картофеля. Он разоблачил как лживое фанфаронство обещание вывести новые сорта пшеницы за 2-2,5 года: «Обещанных сортов нет и не будет» [60, 113-119]. Ответом на письмо Константинова стала августовская сессия ВАСХНИЛ и провозглашение Лысенко корифеем биологической науки.

Позже новому руководителю партии Хрущеву с подобными разоблачительными письмами обращались многие ученые как биологи, так и физики, химики, математики. С 1953 по 1958 годы несколько аргументированных посланий написал профессор А.А. Любищев. Каждое из них – это обвинительное заключение Лысенко: ему присущи такие пороки: «крайняя примитивность, отсталость, полное нежелание осознавать свои ошибки <...>, многочисленные практические ошибки, приносящие значительные убытки нашему сельскому хозяйству <...>». Как результат, Любищев отмечает, «порочность всего стиля работы Лысенко», его учение – это «комбинация невежества с вандализмом». Любищев приводит расчеты потерь от внедрения несостоятельных предложений Лысенко: по пшенице 2,35 млрд. пудов, по кукурузе недобор около 600 млн. пудов, полный провал по хлопку в новых районах, по цитрусовым. Цифры просто ужасающие, но Хрущев тоже не ответил на обращения обеспокоенного ситуацией в сельском хозяйстве ученого [61, 46-47, 111-112].

Напротив, при активной поддержке властей летом 1962 года в Одессе с большой помпой был отмечен 50-летний юбилей Селекционно-генетического института. Юбилейный сборник научных трудов открывает статья директора А.С. Мусийко, фальсифицирующая трудную историю ВСГИ за полстолетия. В ней сквозь зубы упомянуты и противники Лысенко начала 30-х годов (А.А. Сапегин, П.Г. Брокерт, Л.А. Сапегин), но львиная часть текста состоит из славословий сподручных Лысенко – Ольшанского, Воробьева, Авакяна, Долгушина, Глущенко, Презента, Фаворова, восхваления их «открытий» и «достижений». Названы и те одесские селекционеры, которые многого добились в выведении новых сортов зерновых, но лишь на словах применяли лысенковскую методику, - Кириченко и Гаркавый. Все эти пышные торжества, пустые речи и поздравления происходили в условиях засухи, обещавшей стране сильнейший недобор зерна. Точнее сказать, засуха стала суровым экзаменом для столь расхваленных пропагандой новых сортов зерновых на засухоустойчивость, в том числе и тех, что были выведены в Одессе. Этого экзамена ни селекционеры, ни их сорта не выдержали. Засуха показала кризисное состояние советского сельского хозяйства в целом, что в немалой

степени было обусловлено отставанием селекционно-генетической работы. Награды одесским селекционерам были розданы большие, но когда пришло стихийное бедствие, их сорта испытания не выдержали. Через год СССР начал закупать зерно в массовом количестве за границей, что явилось ярким показателем неудовлетворительной работы всей аграрной отрасли экономики.

Крах лысенковщины и персонально Лысенко как новатора, ученого и организатора масштабных аграрных экспериментов, нанесших огромный урон стране, как нельзя лучше выразился в символическом жесте снятия его имени с вывески на здании Селекционно-генетического института. В начале 1965 года, когда произошло это событие, на партийном собрании был задан вопрос: «Почему товарищ Сеница (первый секретарь обкома партии. – Д.У.) позволил снять вывеску «имени Т.Д. Лысенко», я не понимаю» [62, 35]. Вопросавшему никто не ответил. Один он не понимал хода событий, всем остальным было ясно, что пора окончательно простаться с лысенковщиной.

В заключение следует рассмотреть два вопроса, без выяснения которых история генетики в Одессе останется не до конца ясной. Первый из них таков: во что обошлась стране лысенковская авантюра с выдуманной им псевдонаукой под названием «мичуринская агробиология»? Все критиковавшие его ученые останавливались на научных, организационных и моральных последствиях лысенковщины, лишь А.А. Любищев попытался их выразить в цифрах недобора урожая. Мы предлагаем подойти к этому вопросу с другой стороны – с анализа статистики закупок СССР продовольствия за рубежом. Это как раз те миллионы тонн зерна, мяса, масла, сахара, в которых нуждался советский народ, однако разрушенное лысенковскими экспериментами сельское хозяйство их обеспечить не могло. Этот дефицит в силах была заполнить только «зеленая революция», начнись она одновременно с передовыми странами, где процветала селекция на основе классической генетики. В СССР же академиком ВАСХНИЛ, героев труда, лауреатов разных премий становилось все больше, в том числе и в Одессе, а сбор зерна и производство продуктов животноводства на душу населения падали. Отсюда и необходимость массированного импорта продовольствия.

Состояние советской аграрной сферы наглядно видно на примере внедрения гибридной кукурузы, выведенной методом близкородственного скрещивания (инцухта), против которого постоянно выступали Лысенко, Долгушин и Ольшанский. К 1963 году, когда Мусийко со скандалом получил свою премию, в США уже более 25 лет выращивалась гибридная кукуруза, дававшая невиданные урожаи. Как показал В.Ф.Чешко, отставание советского сельского хозяйства в 1950-1960-е годы увеличилось на 20 лет. Это происходило в то время, когда благодаря новым сортам, выведенным с применением приемов генетики, урожайность зерновых во многих странах увеличилась в два-три раза. В Мексике, например, утроился, в США удвоился [63, 283-290].

«Зеленая революция» обошла границы СССР, и за это теперь приходилось расплачиваться золотом, потому что на мировом рынке

продовольствие можно было купить только за свободно конвертируемую валюту. Чтобы ее иметь, надо было продавать золото. Как было сказано выше, первая закупка зерна имела место при Хрущеве в 1963 году. На эти цели Политбюро ЦК КПСС выделило 372,2 т золота (больше трети золотого запаса страны). Через два года, уже при Брежневем, снова продали или, точнее сказать, - проели, еще 335,3 т золота [64, 370]. Итого в два приема СССР «отдал» ненавистным империалистам, менделистам и морганистам, 710 т драгоценного металла, зато спас свое население от очередного голодомора, подготовленного лысенковщиной. К этому потерянному сказочному богатству следует добавить еще 1665 т, проданных за 1984-1991 годы [65]. Получается астрономическая цифра в 2 400 т золота, обогатившая канадских и американских фермеров. Конечно, не все полученные деньги ушли на покупку продовольствия, но нужно иметь в виду, что Советский Союз товаров широкого потребления не покупал, а поправка Вэнника-Джексона запрещала продавать ему оборудование и технологии «двойного назначения».

Сколько СССР в 1963-1991 годах закупил зерна за рубежом, еще никто не подсчитывал, хотя статистика, с пропусками за ряд лет, известна. Заполнив недостающие данные методом экстраполяции и признавая недостаточную надежность полученной суммы, берем на себя смелость ее обнародовать. За указанные выше годы СССР закупил за границей примерно 540 миллионов тонн зерна как пищевого, так и фуражного [66]. Это те миллионы тонн, которые недодала народу колхозно-совхозная система земледелия с ее «мичуринской» селекцией новых сортов на основе принципа «воспитания растений».

Поражаясь этой невероятной потере (540 млн. т!), нельзя не вспомнить, что до 1914 года Российская империя вывозила зерновые в большом количестве в Европу. Без русского экспорта (в значительной мере с территории Украины) европейцы не могли обойтись, хотя имели более высокую урожайность – Дания, например, 30,2 ц/га, Бельгия – 24,5 ц/га. За тридцатилетие (1880-1909) урожайность зерновых в разных регионах Украины поднялась от 23,5% до 42,5%. Еще примечательней другой показатель, подсчитанный А.П.Реентом: излишек зерна в Украине за эти же годы увеличился в 2,4 раза [67, 7-23]. Таким образом, украинское сельское хозяйство, как часть общеимперского, обладало в те годы большими экспортными возможностями.

Таковы итоги хозяйствования лысенковщины в цифрах и в самом сжатом изложении. Современники и потомки оценили личность и деятельность Лысенко в широком диапазоне – от гения и героя до злодея, фанатика и шарлатана. Мы уже приводили мнение А.А. Любишева о том, что лысенковщина есть «комбинация невежества с вандализмом». Продолжим его мысли: «За материализм [Лысенко] выдавал то, что не является ни материализмом, ни идеализмом, а является сплошным невежеством в философии и полным шарлатанством в науке» [61, 58]. Вот мнение В.П. Эфроимсона: «Лысенковщина была совершенно наглой, нахальной авантюрой, построенной на бесчисленных фальсификациях, очковтирательстве... Лысенко – никакой он не гений. И не фанатик... Он был,

безусловно, умным человеком и великим «придворным» [68]. В Одессе высказана экзотическая мысль о том, что Лысенко «был волшебником», что он «творил чудеса». Представители этой паранауки, которой дали название «эниобиология», антропологизируют явления природы и доказывают, что Лысенко обладал сверхестественными способностями, «чувствовал душу растений», «с ними беседовал, общался, они ему открывались» и что именно поэтому ни один ученый не мог повторить опыты кудесника [69, 50-58]. Не все приняли эту галиматью за шутку. Так, Ф.Моргун, известный агроном, партийный деятель и плодовитый публицист, земляк Лысенко, выпустил апологетическую книжку. В ней он не только соглашается с открытиями одесских параученых, но и характеризует Лысенко такими словами: «Великий украинец», «Селекционер от Бога» и без тени иронии заявляет: «Достижения Лысенко избавили народ от голода» [70]. О каких достижениях говорится, мы уже видели.

Выше приведены конкретные факты, во что обошлась стране лысенковщина и как «волшебник» спасал народ от голодомора. Никаких достижений не было и не могло быть по одной, главной, причине: «Все методы и приемы Т. Лысенко, все без исключения, не утвердились ни в одном колхозе, ни на одном гектаре земли, ни в одном научном учреждении, ни в нашей стране, ни за рубежом» [71]. Эти слова акад. Г.Гуляева звучат как приговор, они понятны без комментариев.

Так кто же он, академик Лысенко, этот загадочный человек, и сегодня вызывающий ожесточенные споры? Нет, он не был ни гением, ни злодеем, еще меньше он был спасителем народа от голода или фанатиком. Беспристрастный анализ фактов, извлеченных из документальных источников, позволяет сделать бескомпромиссный вывод: Трофим Денисович Лысенко был вредителем в том смысле этого слова, как его понимали Сталин и генеральный прокурор Вышинский. Да, вредитель, который, хотя и неумышленно, нанес СССР и советскому народу колоссальный ущерб, какой не могли нанести и миллион разоблаченных НКВД вредителей. Он в сговоре со своими сообщниками из Одессы (в основном) и других городов путем преступного обмана уничтожил на корню 540 миллионов тонн зерновых хлебов, на возмещение которых государство вынуждено было потратить, чтобы не допустить в стране голода, несколько тысяч тонн золота. Причем вредительство Лысенко не ограничилось годами его жизни (он умер в 1976 году, превратившись из агронома в зоотехника), оно продолжало наносить ущерб науке до краха КПСС и развала СССР. Этим двум событиям деяния Лысенко тоже способствовали, серьезно ослабив продовольственную безопасность страны в условиях противостояния с Западом.

Тайна необыкновенной карьеры Лысенко кроется как в особенностях его личности, так и в том социально-культурном окружении, в котором он формировался профессионально. В подходе к такому сложному человеческому типу неопределимую помощь может оказать книга выдающегося немецкого психиатра К.Леонгарда «Акцентуированная личность». Лысенко – яркий

образец такой личности: у него была гипертрофированная, болезненная убежденность в правоте своих агрономических идей. Он не был психически больным, мыслил и поступал рационально, с особой изощренностью преодолевал жизненные препятствия, но его сознание находилось в пограничной зоне. Своим «открытиям» и «изобретениям» он придавал неоправданно большое значение, с редкой силой убеждения добивался от окружающих их осуществления. Идеи таких людей, по утверждению Леонгарда, не только ошибочны, но и односторонни, они не понимают и не признают диалектику. Внешне их жизнь может идти весьма успешно (такою и была жизнь Лысенко), но синдром сверхценной идеи разрушает эту личность. Она становится нечувствительной к общественному мнению, к критике коллег, циничной по отношению к моральным устоям общества. Повторим этот вывод: Лысенко не был больным в строго медицинском смысле слова, но он не был и вполне здоровым. Это была, безусловно, личность с большими отклонениями в психике.

По своей природе Лысенко был патологическим лжецом с высоким самомнением и сильной волей: в свои выдумки он верил сам и это помогало убеждать других. Многие мемуаристы говорят о его гипнотических способностях. Можно сказать, что это был Великий Мистификатор. Не получив солидного образования (всего три года обучения на заочном отделении института), невежественный и примитивный в культурном отношении, он верил в простые решения сложных вопросов, что вполне соответствовало идеологии того времени. Великие катастрофы эпохи сталинизма – уничтожение трудового крестьянства во время коллективизации, голодоморы, массовый террор 1937-1938 годов, кровопролитная война, идеологические кампании 1946-1953 годов, - все это создало благоприятный социально-политический контекст для экспериментов Лысенко. Обеспечение продовольственной безопасности СССР в условиях «холодной войны» быстро и без больших затрат было одной из главных задач и Сталина, и Хрущева. Отсюда их слепая вера в обещанные Лысенко чудеса, отрицательное отношение к его критикам.

Лысенко родился не только шизоидом, но и предназначенным к работе на земле. Это было его призвание: все, кто его знал, признают, что он любил землю и растения, с великой охотой трудился в поле с утра до вечера. Профессиональный и интеллектуальный уровень Лысенко – колхозный агроном, и не более. Ученым он никогда не был, только успешно, как великий артист, им притворялся. Это – вторая его жизненная трагедия: хороший сельский агроном стал президентом одной академии, членом двух других, директором разных научных учреждений и прочая, и прочая. Человек не на своем месте – отсюда его агрессивность, ярость, упрямство. При Сталине он ходил по острiu бритвы, постоянно рискуя жизнью, в любой момент мог быть разоблачен как обманщик и вредитель.

Лысенко всю жизнь проповедовал ползучий эмпиризм, узкий практицизм, выступал против фундаментальных исследований. Однако он не был и селекционером-практиком наподобие Мичурина. Где его триста новых сортов

культурных растений? Нет ни одного. Мичуриным, ставшим в 30-е годы национальным героем, Лысенко лишь прикрывал свою бесплодную демагогию. Его собственные наработки, как показано выше с цифрами в руке, имели отрицательный практический эффект. Лысенковщина не укрепила, в конечном счете, а подорвала продовольственную безопасность страны, поставила СССР в зависимость от враждебных сил. Более того, она вызвала моральное разложение биологической науки и сформировала нравственных уродов среди научной элиты, подорвала веру миллионов колхозников в идеалы партии. Как опасный диверсант, Лысенко работал на врагов. Все, что говорил и делал Лысенко, готовило крах КПСС и гибель Советского государства. За это американские и канадские фермеры должны ему поставить памятник из того советского золота, которое при пособничестве Лысенко переключало в их карманы.

Лысенковщина – общественный и научный феномен, который по масштабам, длительности и разрушительным последствиям не имеет в истории науки себе равных. Она началась в Одессе, здесь же и закончилась много позже других регионов страны. Об этом речь пойдет в следующей статье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Генетика і селекція в Україні на межі тисячоліть. У 4-х т./Гол.ред. В.В.Моргун. – К., 2001; Кунах В.А. Розвиток генетики в національній академії наук: До 90-річчя від часу заснування УАН. – К., 2009; Романець О.В. Періодизація розвитку генетики в Україні// Наука та наукознавство. – 2011. – №2; Krementzov N. Stalinist Science. – Princeton, 1997.
2. Берченко Б.Э., Созинов А.А. Страницы из истории института // Научные труды Всесоюзного селекционно-генетического института им. Т.Д.Лысенко. Вып. 3. – Одесса, 1958; Мусийко А.С. Пятьдесят лет // Научные труды Всесоюзного селекционно-генетического института им. Т.Д. Лысенко. Юбилейный выпуск. – Одесса, 1962; Лыфенко С.Ф. Селекционно-генетический институт: Очерки из истории. – Одесса, 2002; Генетика в Одеському національному університеті ім. І.І. Мечникова (1865-2005) / За ред.. В.М. Тоцького. – Одеса, 2005.
3. Обзорение преподавания в Императорском Новороссийском университете на 1912-1913 академ. год. – Одесса, 1912.
4. Государственный архив Одесской области (далее – ГАОО). – Ф. Р-39. – Оп.1. – Д. 27.
5. Сапегин А.А. Для чего учреждена, как работает, чего достигла Одесская сельскохозяйственная селекционная станция, 1912-1922. Изд.2. – Одесса, 1922.
6. ГАОО. – Ф.Р-1395. – Оп.1. – Д.39.
7. Там же. – Д. 51.
8. Электронный ресурс: www.sgi.od.ua/rus/nas/history/
9. Андрей Афанасьевич Сапегин (1883-1946): Биобибл. указатель/ Составители А.Л. Драголи, С.Г. Кушнир. – Одесса, 1976.

10. Берченко Б.Э., Созинов А.А. Страницы из истории института.
11. Голда Д.М. Андрій Панасович Сапегін (до 100-річчя з дня народження) // Укр. ботан. журнал. – 1984. – № 2.
12. Дубінін М.П. Внесок академіка А.О. Сапегіна у генетику і цитологію // Укр. ботан. журнал. – 1974. – № 2.
13. Цит. по: Поповский М.А. Дело академика Вавилова / Вступ. статья А.Д.Сахарова. – М., 1990. Письмо Степаненко найдено в архиве Всесоюзного института растениеводства (ВИР), директором которого был акад. Н.И.Вавилов. Адресат неизвестен.
14. Глазко В., Шумный В. Век генетики, судьба генетика // Зеркало недели. – 2000. – 16 сент. Харьковский ученый В.Ф. Чешко утверждает, что вражда между Лысенко и Сапегиним началась после того, как заместитель директора обнаружил в отчетах нового сотрудника статистические недостоверности, говоря попросту, приписки, чем Лысенко впоследствии занимался постоянно (В.Ф.Чешко. Наука и государство: методологический анализ социальной истории науки (Генетика и селекция в России и Украине в советский период). – Х., 1997. – С. 111.
15. Лысенко Т.Д., Степаненко Ф.С. Яровизация сельскогосподарських рослин (з інструкцією по яровизації колоскових хлібів). Вид. 3. – Київ-Харків, 1936.
16. Медведев Ж. Взлет и падение Лысенко: История биологических дискуссий в СССР (1929-1966). – М., 1993.
17. Сиволап Ю.М., Малюта С.С. Еще раз о лысенковщине // Вісник Українського товариства генетиків і селекціонерів. – 2000. – № 2.
18. Лысенко Т.Д. Переделка природы растений. – М., 1937.
19. Глазко В.И., Чешко В.Ф. Август-48: Уроки прошлого. – М., 2009.
20. ГАОО. – Ф.П-11. – Оп. 1. – Д. 632. «Дорогой» и «уважаемый» Е.И. Вегер через год после получения письма Лысенко был расстрелян как «руководитель антисоветской террористической и шпионско-диверсионной вредительской правотроцкистской организации в Одесской области».
21. ГАОО. – Ф.П-11. – Оп. 21. – Д. 98. Документация по хлопку хранилась в совершенно секретных «особых папках».
22. ГАОО. – Ф.Р-7881. – Оп. 1. – Д. 41.
23. ГАОО. – Ф.П-11. – Оп. 1. – Д. 880.
24. Там же. – Д. 1239. По данным «Одесского мартиролога», Данчев Яков Михайлович и Бабак Михаил Константинович были расстреляны.
25. Там же. – Д. 967.
26. Там же. – Д. 1395. О взаимоотношениях Лысенко и Презента накануне переезда последнего в Одессу см.: Э.И. Колчинский. В поисках советского «союза» философии и биологии. – СПб, 1999. – С. 204-207. Партийное взыскание настигло Презента лишь в ноябре 1951 года: он был исключен из КПСС и снят с высокой должности в Московском университете.
27. ГАОО. – Ф.Р-7881. – Оп. 1. – Д. 2. Годовой отчет отдела генетики ВСГИ довоенного периода сохранился лишь за 1940 год. Остальная документация погибла.

28. Там же. – Д. 8.
29. Там же. – Д. 19.
30. Там же. – Д. 31.
31. ГАОО. – Ф.Р-4787. – Оп. 3. – Д. 37. Во время голосования Мирюта получил 17 голосов, а Воробьев только 2.
32. ГАОО. – Ф.П-8491. – Оп. 1. – Д. 13.
33. ГАОО. – Ф.Р-4727. – Оп. 3. – Д. 43.
34. ГАОО. – Ф.П-8491. – Оп. 1. – Д. 14.
35. ГАОО. – Ф.Р-7881. – Оп. 1. – Д. 25. В письме Сталину от 27 октября 1949 года Лысенко нагло соврал вождю: «Ветвистая пшеница может давать очень высокие урожаи порядка 50-100-150 центнеров с гектара». Причем, плут, знал, что в Одессе она дала только 4,7 центнера.
36. Там же. – Д. 31.
37. Ольшанський М.О. Про підсумки роботи IV сесії Всесоюзної академії сільськогосподарських наук ім. В.І. Леніна і про завдання дальшого розвитку мічурінської агробіології на Україні // Чорноморська комуна. – 1948. – 7 вересня. О киевском совещании подробнее см. в воспоминаниях: Гершензон С.М. Тропую генетики. – К., 1992. – С. 74-77.
38. ГАОО. – Ф.П-11. – Оп. 12. – Д. 784. Как ни странно, Вербин сохранял свой пост вплоть до 1959 года (см.: ЕСУ, т.4. – С. 251).
39. ГАОО. – Ф.Р-6752. – Оп. 2. – Д. 61. О том, что ситуация в Украине с виноградарством и виноделием продолжала ухудшаться, свидетельствует найденная в архиве информация на имя Хрущева, посланная спустя два года после этого собрания. В ней сказано: «Ситуация в колхозах совсем плохая, в совхозах – просто плохая». Далее эти слова конкретизируются: площадь под виноградниками постоянно сокращается, винодельческая промышленность не может переработать даже то сырье, что имеется, поэтому в УССР на душу приходится по 250 граммов вина в год (Там же. – Д. 101. – Л. 1-25).
40. ГАОО. – Ф.П-8491. – Оп. 1. – Д. 20.
41. Там же. – Д. 21.
42. ГАОО. – Ф.Р-4727. – Оп. 3. – Д. 52.
43. ГАОО. – Ф.П-8491. – Оп. 1. – Д. 28.
44. ГАОО. – Ф.Р-7881. – Оп. 1. – Д. 54.
45. ГАОО. – Ф.Р-1438. – Оп. 12. – Д. 18.
46. Там же. – Д. 26.
47. Там же. – Д.50. Иванченко, совершенно бесплодный как ученый, был снят с должности после проверки университета комиссией ЦК КПУ в декабре 1952 года (ГАОО. – Ф.П-11. – Оп. 14. – Д. 176. – Л. 2-72).
48. Там же. – Д. 59. Сменивший Иванченко новый ректор, С.И. Лебедев, побывав с делегацией в США, стал изучать нечто давно там известное – гибридную кукурузу.
49. ГАОО. – Ф.Р-4727. – Оп. 3. – Д. 107.
50. Там же. – Д.108.
51. Там же. – Д.130.

52. Там же. – Оп. 5. – Д. 34. В награду за такие теоретические чудачества Ольшанский стал в марте 1951 года вице-президентом ВАСХНИЛ, разумеется, по протекции Лысенко. Позже, в начале 60-х годов, он будет недолго министром сельского хозяйства СССР и президентом ВАСХНИЛ. Мнение о нем окружающих было отрицательным. Так, вице-президент ВАСХНИЛ И.И. Синягин в своих воспоминаниях «Хлеб из Камня» писал о нем так: «Ольшанский был вообще биолог очень слабый, а агрохимик – просто нулевой» (Электронный ресурс: www.misha-sinyagin.narod.ru).
53. См. подробнее: Урсу Д.П. Иван Иванович Пузанов – видатний зоолог і мандрівник // Професори Таврійського університету, 1918-1941: Біограф. нариси. – Сімферополь, 2005. – С. 66-68.
54. ГАОО. – Ф.Р.-7881. – Оп. 1. – Д. 149.
55. Знамя коммунизма. – 1956. – 30 марта.
56. Знамя коммунизма. – 1956. – 6 апреля.
57. Делоне Н.Л. У времени в плену: Записки генетика // Электронный ресурс: www.delone/botaniklife.ru/books.
58. ГАОО. – Ф.Р.-7881. – Оп. 1. – Д. 152.
59. ГАОО. – Ф.П.-3139. – Оп. 1. – Д. 44.
60. Из истории борьбы с лысенковщиной: Документы // Известия ЦК КПСС. – 1991. – №7.
61. Любищев А.А. В защиту науки: Статьи и письма, 1953-1975. – Л., 1991.
62. ГАОО. – Ф.П.-3139. – Оп. 1. – Д. 56.
63. Чешко В.Ф. Наука и государство: Методологический анализ социальной истории науки. (Генетика и селекция в России и Украине в советский период). – Х., 1997. В пик лысенковщины 1949-1953 годы урожайность пшеницы составила 7,7 ц/га против 8,2 ц/га в 1913 году (Электронный ресурс: www.gumer.info/bibliotek-buks/econom/08php).
64. Пихоя Р.Т. Советский Союз: история власти 1945-1991. – М., 1998.
65. Состояние государственных запасов золота. Публикуется впервые // Московские новости. – 1991. – 17 ноября.
66. Подсчитано по: Электронный ресурс: <http://www.agro-prensa.ru/index>
67. Реєнт О.П. Хлібні ресурси України в добу капіталістичного розвитку (1861-1914) // Проблеми історії України XIX – поч. XX ст. Вип. 17. – К., 2010.
68. Электронный ресурс: www.big1september.ru/view-article.php .
69. Хохленко Г.Н. Сквозь призму времени // Эниология. – 2001. - №2.
70. Моргун Ф. Академик Трофим Лысенко: Каким он был в действительности. – Полтава, 2007.
71. Советская культура. – 1989. – 20 июля.